

РАВЕНСТВО, УЯЗВИМОСТЬ И
УСТОЙЧИВОСТЬ К ВНЕШНИМ
ВОЗДЕЙСТВИЯМ В СОЦИАЛЬНЫХ
ЭКОСИСТЕМАХ: СОВРЕМЕННЫЙ ПРИМЕР
ИЗ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Брюс Форбс

АННОТАЦИЯ

В социально-экологических системах Арктики экологические и социальные проблемы тесно взаимосвязаны. В данной главе мы обсудим важность равенства как фактора в адаптивной способности региона, подвергающегося относительно быстрому изменению климата с одновременными переменами в землепользовании (в связи с освоением нефтяных месторождений) в северо-западной части Российской Арктики. Применительно к Северной Америке попытки обеспечить определенное экономическое или юридическое равенство в условиях интенсивного промышленного освоения являются в лучшем случае символическими. К сожалению, в текущей ситуации законные права на землю и природные ресурсы вряд ли материализуются, или, даже если это произойдет, они не повлияют на способность ненецких оленеводов к адаптации. Самим же оленеводам недостает полномочий в сфере

принятия ключевых решений касемо
способов освоения их исконных территорий.

Equity and the Environment
Research in Social Problems and
Public Policy, Volume 15, 203–236
Copyright r 2008 by Elsevier Ltd. All
rights of reproduction in any form
reserved ISSN: 0196-
1152/doi:10.1016/S0196-
1152(07)15006-7

История освоения российского севера разительно отличается от аналогичного процесса в Европе и Северной Америке. При этом немногочисленная библиография устойчивости к внешним воздействиям в северных социоэкологических системах основана почти исключительно на североамериканском опыте совместного управления. Недавние исследования на полуострове Ямал показывают, что даже продолжительные усилия, направленные на поощрение активной жизненной позиции, могут принести лишь незначительные изменения. Законодательные кампании в западном стиле и скоропалительные решения вряд ли приведут к желаемым результатам, и даже могут оказаться контрпродуктивными. В настоящей работе сравниваются методы четырех различных исследований ситуации на Ямале, при этом особое внимание уделяется их соответствующим оценкам устойчивости к неблагоприятным воздействиям. К счастью, в рядах кочевого населения ненецкой тундры, по-видимому, остается высокий процент молодежи, что служит положительным индикатором общей устойчивости к неблагоприятным

воздействиям в данной конкретной социозкосистеме.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ВВЕДЕНИЕ

По определению, экологические и социальные проблемы тесно связаны в так называемых социозкосистемах, или СЭС (Folke et al., 2002; Folke, Berkes, & Colding, 2003). Некоторые исследователи утверждают, что это особенно актуально для северных высокоширотных регионов, в которых в начале 21-го века многие коренные и некоренные народы все еще зависят, в той или иной степени, от морской и наземной дикой флоры и фауны для получения определенного сочетания пищи, одежды, крова и удовлетворения духовных запросов, как это и происходило на протяжении многих тысячелетий (Berkes, 1998; Berkes & Jolly, 2001; AHDR, 2004; Chapin et al., 2004, 2006a, 2006b). Это особенно заметно на севере России, где определенные популяции охотников, оленеводов, рыбаков и собирателей продолжают в значительной степени жить "плодами земли", почти постоянно кочуя в пределах тундры и тайги, примерно так же, как они это делали по крайней мере тысячу лет. Такая связь с природными ресурсами, как правило с животными, но не только с ними, настолько сильна, что наряду с технологическими изменениями может служить

ориентиром культурной дифференциации в пространстве и времени (Helm, 1981; Damas, 1984; Kurnik, 1993). Поверхностное знание этих культур, вместе с изображением захватывающих пейзажей и морских ландшафтов, помогло создать популярное видение Арктики как земли с суровой девственной природой, кое-где населенной носителями первобытных культур. Такое представление в лучшем случае вводит в заблуждение, а в худшем – потворствует отношению свысока и мешает созданию устойчивости к внешним воздействиям (Forbes, 2005a). Представленные ведущими активную деятельность охотниками, оленеводами, рыбаками и собирателями, облигатные (нуждающиеся в специфических условиях) сельские группы в Арктики уже сталкиваются с такими трудностями от изменения климата и процессов глобализации, которые большинство городских и пригородных слоев населения вряд ли вообще будет когда-либо испытывать в той же степени.

(Smit & Pilifosova, 2001; Nuttall et al., 2005). Хотя северные сообщества и являются невольными и внимательными свидетелями сокращения популяций как диких, так и одомашненных животных и растений, только в последние несколько лет Арктика стала в общественном сознании «барометром» изменений, которые могут затронуть, или уже затрагивают, остальную часть земного шара (ACIA, 2005).

Как и в других частях света, попытки "управлять" природными ресурсами Арктики и "сохранить" их имели явно лишь частичный успех (Forbes, 2005b). Общество биологии охраны природы недавно признало, что, спустя почти два десятилетия после его основания, больше разновидностей и экосистем чем когда-либо находятся в опасности в разных странах, несмотря на бесспорный прогресс в нашем понимании экологических моделей и процессов на разных уровнях. В 2002 г. Общество начало откровенное внутреннее обсуждение этой неудачи, и его члены пришли к заключению, что причина здесь не в научной ошибке, хотя таковые всегда возможны. Скорее, разрыв между нашими экологическими данными и успехом в области охраны природы в

значительной степени объясняется общей неспособностью естествоиспытателей признать, что социально-бытовые факторы часто являются главными определяющими факторами успеха или неудачи (Mascia et al., 2003). Для естествоиспытателей, предпринимающих исследование якобы соответствующее политике, было трудно за последние 2–3 десятилетия признать, что независимо от того, сколько появилось новых инструкций, коридоров кочевых перемещений и охраняемых территорий, – самих по себе являющихся "историей успеха", – экосистемы продолжают в глобальном масштабе ухудшаться, и большое количество видов движется к и стоит на пороге исчезновения.

Даже для случайного наблюдателя очевидно, что Арктике не свойственна степень биологической вариативности, характерная для более умеренных и тропических регионов (Olson & Dinerstein, 1998). При этом Арктика является домом для крупных и широко распространенных популяций дикой флоры и фауны, таких как карибу/северный олень и для морских млекопитающих, которые, в свою очередь, поддерживали жизнь людей в течение тысяч лет (Krupnik, 1993; Forbes & Kofinas, 2000). Поэтому можно говорить о чрезвычайном многообразии культур региона (Damas, 1984; Vakhtin, 1992; AHDR, 2004). Тем не менее, поскольку широкая

общественность и, по крайней мере, некоторые политические деятели признали антропогенные глобальные изменения как проблему, общественное внимание, как и ожидалось, сосредоточилось на возможных потерях основных видов, таких как белые медведи, карибу и киты, а не на культурах, которые в течение столетий и тысячелетий развивались в тесной связи с этими животными. В глобальной шумихе вокруг недавно опубликованной «Оценки воздействия изменения климата в арктике» (ACIA, 2005) иногда казалось, что быстро исчезающей тундре, ледникам и вечной мерзлоте уделялось больше внимания, чем не менее серьезным угрозам культуре коренных народов Арктики.

После того, как вопросы, поднятые ACIA, получили широкий и, в основном, сочувствующий общественный резонанс, по крайней мере один американский конгрессмен и автор передовицы "Уолл Стрит джорнал" были вынуждены засомневаться, в том, действительно ли климат Арктики был в прошлом настолько переменчивым (Regalado, 2005). Фотографии с изображениями свободной от льда воды на Северном полюсе летом 2004 г. сопровождалась новостями о позднем замерзании морского льда в ноябре 2004 г., а затем о раннем его таянии весной 2005 г. Затем последовали незабываемые снимки с изображениями урагана Катрина в августе 2005 г. Справедливо или нет, но СМИ и очень многие читатели попытались найти логическую связь между этими фактами на основании такого короткого и иногда вводящего в заблуждение всплеска внимания СМИ к явлениям, являющимся долгосрочными и сложными. Проблемы, стоящие перед белыми медведями, инуитами и вечной мерзлотой, больше не ограничивались "далекой" Арктикой. Глобальные изменения, особенно климатические, стали чем-то, что могло угрожать целым городам, находящимся далеко

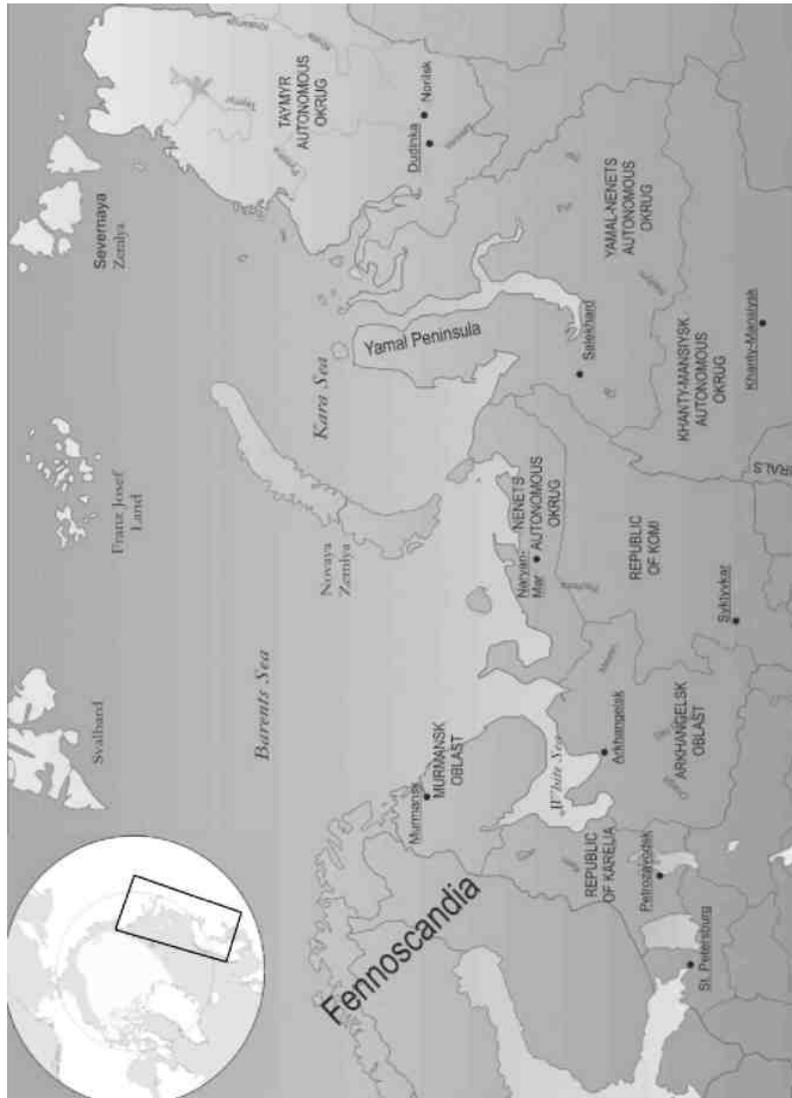
от Арктики. Внезапно, вся планета предстала уязвимой.

После урагана Катрина самые разные эксперты заявляли, что в течение многих лет они предупреждали о том, что дамбы дельты реки Миссисипи могут не выдержать серьезного шторма. В то же самое время политические деятели уверенно заявили, что разрушенные городские районы на побережье Мексиканского залива подлежат восстановлению, будут восстановлены, что люди вернуться, и что весь регион сможет восстановиться. Хотя слова "уязвимость" и "устойчивость к внешним воздействиям" и не были произнесены, в сути этих аргументов лежат именно эти понятия. Грустная правда состоит в том, что степень уязвимости и устойчивости к внешним воздействиям в таких городах как Новый Орлеан в значительной степени зависит от социально-экономического и расового равенства или, точнее говоря, его отсутствия. Несмотря на энергичные опровержения политических деятелей, всем были очевидны различия, проявившиеся при реагировании на последствия шторма для различных микрорайонов.

Данные примеры приведены для того, чтобы доказать следующее. Общественное восприятие, если не понимание, Арктики, как региона, критически важного для глобальной климатической системы, находится, вероятно,

на небывало высоком уровне. Не менее разительной, если не общепризнанной, является угроза деградации объединенных социосистем на обширных территориях Арктики, особенно там, где быстродействующие изменения климата и перемены в землепользовании находятся во взаимодействии. В мировом масштабе послужной список сохранения экосистем по общему признанию плох и становится еще хуже, в значительной степени потому, что при попытке "управлять" экосистемами должным образом не приняты во внимание действия человека. Эти понятия будут исследованы на примере кочевой группы оленеводов, - тундровых ненцев полуострова Ямал в российской части Арктики (рис. 1). Для них неравенство выражается в форме ограниченной возможности провести разъяснительные консультации и в недостатке полномочий для принятия решений, которые могли бы смягчить негативные последствия освоения их исконных территорий.

Равенство, уязвимость и
устойчивость к внешним
воздействиям

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЕ ОЛЕНЕВОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Повсюду в циркумполярной Арктике коренные народы воспринимают себя как составную часть экосистемы в тех районах, где они проживают (АНДР, 2004; Nuttall et al., 2005). В частности, кочевые оленеводы Ямало-Ненецкого автономного округа,¹ проживающие к северу от арктической границы произрастания древесной растительности сразу на восток и север от Уральских гор России, служат примером этой совершенно буквальной близости к земле (Stammler, 2005). Ямальские ненцы принадлежат к числу немногих оленеводов, действительно остающихся кочевыми. Нет нужды романтизировать эти особые отношения. Просто оленеводы-кочевники проводят большую часть своей жизни в тундре и в тесном контакте со своими северными оленями, кроме того времени, которое они провели в школе, и обязательной воинской службы для молодых людей. Они также тратят немало времени на рыбалку, охоту и собирательство. Это время, проводимое на земле год за годом, позволяет, или скорее требует, развития и сохранения

очень сложных социальных и экологических навыков и форм знаний, которые не могут быть получены в классной комнате, какой бы она ни была. Кроме того, такие "способы получения знаний" о земле не могут сохраниться навсегда, когда и если молодые поколения мигрируют в города. За последние десятилетия накопилась обширная библиография работ, рассматривающих "традиционные", "местные" или "практические" экологические знания, но они не будут здесь рассматриваться (см. тем не менее Berkes, 1998, 1999; Usher, 2000; Kendrick, 2003a, 2003b, 2003c; Huntington, Callaghan, Fox, & Krupnik, 2004; Kitti, Gunsley, & Forbes, 2006). Достаточно сказать, что ситуация в ненецкой тундре контрастирует с тем, что происходило в арктической части Северной Америки, где к концу 1950-х и в начале 1960-х годов фактически все местные народы были перемещены в поселки в целях создания самоуправления, получения образования, ознакомления с религиозными принципами, обеспечения соблюдения законности и, не в последнюю очередь, ради торговли мехом.

С одной стороны, арктический кочевой образ жизни иллюстрирует устойчивость к внешним воздействиям. Постоянный промысел карибу/северного оленя (*Rangifer tarandus*) и морских млекопитающих позволили различным большим сообществам в течение тысячелетий

постоянно занимать огромный, климатически разнообразный и динамический регион, который большинству сторонних лиц кажется далеким и неприветливым (Krupnik, 1993; Forbes & Kofinas, 2000). С другой стороны, считается, что некоторые коренные народы Арктики чрезвычайно уязвимы к воздействию уже существующей синергии изменений в климате или землепользовании и не могут противостоять взаимоусиливающимся тенденциям в климате и землепользовании (AHDR, 2004; ACIA, 2005).

В начале 21-го века ямальские ненцы продолжают кочевать с северными оленями так же, как и до них это делали бесчисленные поколения, направляемые – кроме прочего – циклическим зеленением и увяданием тундровой растительности, таянием и замерзанием древних рек и появлением и исчезновением жалящих насекомых (Stammler, 2005). Их родина практически зажата между широтной границей произрастания древесной растительности с юга и Северным Ледовитым океаном с севера. Полностью осознавая, что современный мир стоит у них на их пороге, они сознательно предпочитают держать его на расстоянии, принимая от него то, в чем нуждаются, и пытаясь не пустить то, что им не нужно, хотя последнее становится все труднее (Stammler, 2002). Обостренное чувство независимости, исключительный опыт и профессиональные способности в качестве оленеводов сослужили им хорошую службу и в царские, а впоследствии и в советские времена (Golovnev & Osherenko, 1999). Среди других факторов - их кочевой образ жизни, требующий ежедневного использования запаса

традиционных знаний, экономическую автономию и этику минимализма. Далее в работе Головнев и Ошеренко (1999) указывают, что все это вместе взятое "вырабатывает гибкость, а не жесткость," и что эта гибкость отражена в модели лидерства у ненцев, и в гендерных ролях. Они во многом продемонстрировали заметную адаптивную способность и устойчивость к внешним воздействиям перед лицом серьезных системных потрясений, таких, как натиск коллективизации и последующий крах Советского Союза. Кроме того, советский прессинг, вынуждающий кочевые народы переходить к оседлому образу жизни, был здесь выражен менее сильно, чем в других регионах (Stammler, 2005). В любом случае, в существующей весьма динамичной ситуации активная адаптация является жизненно необходимой (Klokov, 2000).

До Второй мировой войны в Арктике не было отмечено широкого распространения индустриализации. Возможные исключения - добыча полезных ископаемых на Кольском полуострове (Мурманская область) и комплекс угольных шахт и цементных заводов в Воркуте и ее окрестностях (республика Коми), которые при Сталине активно разрабатывались начиная с 1930-х годов с применением труда заключенных. Поэтому освоение нефтяных и газовых

месторождений является новым явлением в регионе, и несет для ненцев угрозу, отличающуюся от более ранних покушений на их территорию. Для типичного современного российского нефтегазового месторождения степень деградации экосистемы зачастую на порядок выше, чем для сопоставимого месторождения в Канаде или на Аляске. Тем не менее, эти последствия бледнеют рядом с переворотом, который пережили россияне после краха Советского Союза. Равенство – вот основной вопрос для ненцев, обдумывающих свою уязвимость перед лицом далеко идущей реорганизации и, скорее всего, деградации экосистемы, в отношении которой их влияние пока невелико или отсутствует вообще (Chance & Andreeva, 1995).

Мы периодически видим различные проявления нарастающего изменения климата, - например, более теплые зимы и ранние весны в последние годы, и общее потепление до ~31С с 1970-х годов (ACIA, 2005[bookmark2](#)). Однако по сравнению с теми открытиями, которые каждый месяц, каждую неделю преподносит все ускоряющееся освоение нефтяных месторождений, эти проявления с неизбежностью отодвигаются на задний план.

На территориях, занимаемых ямальскими ненцами, находятся некоторые крупнейшие неосвоенные месторождения природного газа и газового конденсата в мире. Сверхгигантские месторождения газа на полуострове Ямал, где с конца 1970-х годов ведется интенсивная разведка, в настоящее время готовятся к полномасштабной добыче, главным образом силами государственного предприятия Газпром и его соответствующих филиалов. Параллельно наращиваются усилия по эксплуатации огромных нефтяных месторождений в соседнем Ненецком автономном округе (Stammler & Forbes, 2006). Российское государство поставило себе честолюбивую цель, - увеличить в течение следующих 5–10 лет добычу и экспорт нефти и газа. Ожидается, что поставки газа с

Ямала на российские, европейские и, в конечном счете, североамериканские рынки будет осуществляться через наземные трубопроводы в сочетании с отгрузкой танкерами через Северный морской путь. Земля и прибрежная зона моря характеризуются почвенной мерзлотой или постоянной вечной мерзлотой, часто идущей вглубь на сотни метров. Большая часть земли характеризуется так называемыми льдонасыщенными многолетнемерзлыми грунтами (ACIA, 2005). Данные обстоятельства, а также чрезвычайные зимние холода серьезно усложняют многие аспекты инженерно-проектных работ и обустройства инфраструктуры и могут негативно сказаться на сроках, определенных для выхода на полномасштабную добычу (Talley, 2006). В краткосрочной перспективе, однако, освоение идет быстро, и ненцы, стремясь сохранить свой образ жизни, активно привлекают на свою сторону государство, различные государственные предприятия и уполномоченных посредников. Для тех, кто не знаком с современной жизнью в северной России, разительный контраст с западными социоэкосистемами и законодательными нормами будет, возможно, информативен.

УСТОЙЧИВОСТЬ К ВНЕШНИМ

ВОЗДЕЙСТВИЯМ: ПРИМЕРЫ

СОУПРАВЛЕНИЯ В СОЦИОЭКОСИСТЕМАХ

Чтобы оценить проблемы устойчивости к внешним воздействиям в современной российской Арктике, сначала рассмотрим соответствующую литературу, а также историю взаимоотношений между северными народами и южными учреждениями. Литература, свидетельствующая как об устойчивости к внешним воздействиям, так и об уязвимости, обширна и продолжает расти. В недавнем обзоре почти 3 000 работ, опубликованных за 38-летний период, Janssen, Schoon, Ke, и Vorner (2006) сообщили об интенсивном росте числа публикаций между 1995 и 2005 гг.

Они заметили, что "область знаний, относящихся к устойчивости к внешним воздействиям", связана с экологией и математикой и уделяет большое внимание теоретическим моделям, в то время как уязвимость и область знаний, относящихся к адаптации" связана с географией и исследованиями опасных природных явлений и сфокусирована на анализе конкретных случаев и исследованиях климатических изменений". Они также обнаружили усиливающуюся интеграцию различных областей знания, что, возможно, отражает рост междисциплинарных методов исследования.

В соответствии с результатами исследований, проведенных Janssen et al. (2006 г.), большинство эмпирических публикаций по устойчивости к внешним воздействиям в Арктике касаются в целом экологии и, в частности, экологии, связанной с нарушением существующего положения вещей и изменением окружающей среды (напр. Felix, Raynolds, Jorgenson, & DuBois, 1992; Reynolds & Tenhunen, 1996; Wookey & Robinson, 1997; Chapin et al., 2003). Эти работы подчеркивают отсутствие равновесия, или, скорее, способность систем

переключаться между различными состояниями. По существу они придерживаются того, что Холлинг и Гундерсон (Holling & Gunderson, 2002) называют "экологической устойчивостью к внешним воздействиям." Во всяком случае, хотя литература, освещающая устойчивость к внешним воздействиям и уязвимость, обширна и, несомненно, важна, она тем не менее демонстрирует недостаток глубины, когда дело доходит до примеров из объединенных социозкосистем в арктических или субарктических регионах. Немногочисленные эмпирические исследования скорее рассматривают устойчивость к внешним воздействиям, а не уязвимость, и большинство из них основано на североамериканских данных (напр. Berkes, 1998; Berkes & Jolly, 2001; Kendrick, 2003a). По географии и по социокультурному срезу эти примеры в значительной степени пересекаются с литературой по совместному управлению (Kruse, Klein, Braund, Moorehead, & Simeon, 1998; Klein, Moorehead, Kruse, & Braund, 1999; Usher, 2000; Kendrick, 2002; Peters, 2003; Berkes, Bankes, Marschke, Armitage, & Clark, 2005). Совместное управление определяется как совместный формальный или неофициальный процесс принятия решений государственными властями и группой пользователей, для управления определенными видами рыб и

особями дикой природы либо другими природными ресурсами (Caulfield, 2000). Через этот совместный процесс реализуется равенство в поиске решений, обычно принимаемых государством. Существует много различных видов совместного управления, которые рассмотрены в работе Berkes (в печати).

Литература по совместному управлению и устойчивости к внешнему воздействию в значительной степени дублируется в литературе, освещающей "местные" или "традиционные экологические знания" (напр. ТЕК) (Treseder, 1999; Huntington, 2000; Berkes & Folke, 2002; Kendrick, 2002, 2003a, 2003c; Peters, 2003; Moller, Berkes, Lyver, & Kislalioglu, 2004). Это происходит потому, что краеугольным камнем совместного управления является интеграция западной науки и традиционных знаний через перевод событий жизни коренного населения в формы, совместимые с государственным регулированием ресурсов животного мира (Nadasdy, 2003). Соответственно, литература в обеих областях основывается преимущественно на данных по Северной Америке. Приведенные примеры устойчивости к внешнему воздействию в социозекосистемах относятся к арктической и субарктической Северной Америке и касаются самых разнообразных ситуаций

(Berkes, 1998; Berkes & Jolly, 2001; Kendrick, 2003a), однако создается такое впечатление, что ни один из них на самом деле не относится ни к современной Европе, ни к России. Одно опубликованное исследование действительно касается адаптивного совместного управления в Европе (Olsson, Folke, & Berkes, 2004), но описывает оно ситуацию в южной Швеции, где местные жители не сталкиваются с таким набором факторов, как те, что можно найти в действительно арктических социальных экосистемах. Другие исследования рассматривают вопросы рыболовства и оленеводства в странах Северной Европы, но пока что только в рыбном хозяйстве Норвегии наблюдаются какое-либо сходство с совместным управлением как оно практикуется в Северной Америке (Jentoft, 1998).

Существуют определенные трудности с переносом моделей совместного управления и устойчивости к внешнему воздействию на всю Арктику. Во-первых, несмотря на то, что "фактически каждое социологическое исследование совместного управления, отраженное в литературе, является историей успеха," у совместного управления есть и свои проблемы (Nadasdy, 2003, в печати). Они

объясняются политическими и прочими институциональными препятствиями, возникающими на пути подлинного интегрирования знаний коренных народов в доминирующую "научную" парадигму регулирования ресурсов дикой природы, принятую в современных государствах. Те исследования, которые с осторожностью относятся к урокам совместного управления, а также соответствующие работы в области изучения традиционных экологических знаний, подчеркивают, что "доверие" является крайне необходимым фактором при установлении любого взаимопонимания между учеными и коренными "пользователями" (Ferguson & Messier, 1997; Kendrick, 2003a, 2003b; Nadasdy, 2003; Olsson и др., 2004). Без доверия не может быть никакого реального равенства в совместном принятии решений. Опасность состоит в том, что, несмотря на обычно сопровождающую такие процессы риторику о предоставлении полномочий местным органам, последние зачастую фактически помогают увековечить отношения в колониальном стиле, с концентрацией власти в административных центрах, а не в руках местных/коренных жителей (Nadasdy, 2007). Как только устанавливается режим совместного управления, дополнительной проблемой становится определение "успеха" (Nadasdy,

2003).

Следует упомянуть и другой фактор: североамериканские режимы совместного управления главным образом полагаются на институт "старейшин" как носителей знаний; соответственно, именно старейшин обычно и выбирают для представления на уровне сообщества как понимания, так и проблем, относящихся к дикой природе и к другим областям жизни (например, к охраняемым территориям). У коренных народов России нет советов старейшин, и ненцы, посетившие Северную Америку, сочли эту практику забавной. По их мнению старейшины и не знали бы, как разговаривать с представителями государства или с компаниями. В России же, напротив, ключевыми партнерами в переговорах, способными обеспечить сосуществование, являются либо представители местной интеллигенции, получившие образование в советские времена (большинство из них не являются старейшинами как таковыми), или, всё чаще, начинающие молодые и энергичные лидеры. Данное обстоятельство как будто указывает на наличие в ненецком обществе существенных моментов неравенства, однако оленеводов, как кажется, вполне устраивает то, что их представителями являются эти две основные группы. В советские времена пенсионеры формально имели мало

влияния, поскольку они были лишены официальных полномочий при принятии решений по административным вопросам.

Однако знания старейшин сохраняют свою функциональную важность, так как люди все еще консультируются с ними относительно жизни в тундре. Stammer (2005) утверждает, что при советской власти ненецкая система лидерства в тундре во многих случаях отказывалась от отношений родства лишь поверхностно, в то время как роль уважаемых лидеров и важность родственных связей продолжали оставаться значимыми в течение всего советского периода. Однако в ненецком обществе уважение приобреталось не просто возрастом, а конкретными чертами характера.

По своей сути, совместное управление основано на принципах совместного участия по отношению к целенаправленному исследованию, при участии местных пользователей или без такового. Совместное управление в Северной Америке имеет длинную историю (Treseder, 1999). Обсуждение действительно совместного принципа при освоении природных ресурсов севера началось только в последние годы и касалось наземных экосистем субарктической Европы; в каждом случае речь шла об управлении оленеводством

(Karlstad, 1998; Sandstrom и др., 2003; Forbes и др., 2006). Эксперименты в исследовании совместного участия столкнулись с различной степенью сопротивления европейских государств (например Швеции, Финляндии). Это происходит в значительной степени потому, что в исторической перспективе природопользование всегда находилось в исключительной компетенции естественных наук, исследования же проводились по указанию соответствующих министерств (лесного хозяйства, сельского хозяйства, природных ресурсов и экологии) с целью продвижения их соответствующих министерских планов, некоторые аспекты которых оленеводы-саамы считают крайне патерналистскими (Forbes, 2006; Muller-Wille et al., 2006). У России, как указывает [Stammler \(2005\)](#), также есть свой собственный опыт, когда "внешний мир" в патерналистской манере структурировал свои взаимодействия с той сферой, которую он именуется "сферой тундры". С учетом указанных исторических различий, а также ограничений существующей литературы, нам следует быть осторожными в наших предположениях о применимости анализов ранее исследованных примеров устойчивости к внешним воздействиям, равенства и уязвимости к новым ситуациям. Целью данного исследования жизни ненцев Ямала является создание определенного

географического, культурного и исторического контраста с ситуациями институционального взаимодействия в Северной Америке, которые преобладают в литературе.

СОВРЕМЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ОЛЕНЕВОДСТВОМ: РАВЕНСТВО В
ПРИНЯТИИ РЕШЕНИИ

Rangifer tarandus L. sensu lato принадлежит к семейству оленевых, Cervidae, в состав которого входят все дикие и полудомашненные виды карибу и северного оленя в мире (Harrington, 2005; Forbes, 2005c). Системы, в которых сосуществуют человек и северный олень, в северном полушарии циркумполярны и охватывают целый ряд взаимосвязанных социозкосистем (Forbes & Kofinas, 2000).

Системы эти удивительно разнообразны. В Северной Америке преобладают сообщества охотников, а в Европе и России есть сообщества и охотников, и оленеводов. Что важно, среди этих общих выделяемых существует как внутригрупповая преемственность, так и переход их одной категории в другую (Ingold, 1980; Krupnik, 1993; Baskin, 2000; Muller-Wille и др., 2006). Кроме того, в России эта классификация институционализована в том смысле, что охота, как правило, считается менее престижным занятием чем оленеводство (Stammler, 2005). В обоих контекстах северный олень является чрезвычайно сложным животным как экологически, так и поведенчески. Тем не менее, его распространение в циркумполярной зоне и взаимодействие с практически всеми арктическими и субарктическими культурами таково, что невольно возникает желание сравнить современные правовые режимы регулирования, существующие в различных регионах.

Данные, полученные в ходе масштабного научно-исследовательского проекта в северной Фенноскандии² четко показывают контраст между практикой, сложившейся в Северной Америке и в Европе в отношении совместного

участия в управлении природными ресурсами (Forbes, 2006; Hukkinen et al., 2006). Проект RENMAN представлял собой экспериментальное исследование совместного участия на дальнем севере Европы, где коренные оленеводы-саамы и страны их проживания (Норвегия, Швеция, Финляндия) исторически сталкивались со сходными дилеммами: равенство при использовании природных ресурсов для всех граждан либо протекционизм для коренных меньшинств (Jernsletten & Beach, 2006). По сравнению с коренными народами Северной Америки, действующими в правовом режиме совместного управления, применительно к саамам нельзя говорить о сколько-либо существенном равенстве в принятии индивидуальных или коллективных решений, затрагивающих краткосрочное или долгосрочное управление их стадами.

Как и другие сообщества севера России, ямальские ненцы в прошлом веке пережили серьезные потрясения, когда их способность поддерживать свой традиционный образ жизни оказывалась под угрозой. Самый очевидный примером - коллективизация, начавшаяся в конце 1920-х годов, когда оленеводство стало отраслью сельского хозяйства. Как и в ситуации с саамским

оленоводством после Второй мировой войны, цель состояла в том, чтобы превратить оленя в товар, пригодный для рынка, и обеспечивать государственные учреждения мясной продукцией (Stammler, 2005; Hukkinen и др., 2006; Kitti и др., 2006). И Россия, и европейские государства стремились контролировать сезонную смену пастбищ и внедрили модель управления, основанную на "кормовой продуктивности," хотя честные биологи признают, что оценить фактическую кормовую продуктивность весьма непросто (Helle & Kojola, 2006; см. также Myrsterud, 2006, van der Wal, 2006). Разница заключалась в том, что саамы должны были заниматься оленеводством, превратившимся в отрасль хозяйства, в то время как вся собственность в России была конфискована, и собственником оленей стало государство.

Признавая, что имели место существенные нарушения (традиционного образа жизни), Штаммлер утверждает, что в конечном счете ситуация изменилась не так уж сильно, и приводит в качестве первого примера маршруты миграций и пастбищ северного оленя. Головнев и Ошеренко (Golovnev & Osherenko, 1999) считают, что маршруты миграций были радикальным образом изменены. Данное наблюдение связано с преобразованием колхозов в совхозы в 1960-х годах, когда южная область кочевого перемещения оказалась отрезана от самых северных совхозов Ямала. Однако на основании обширных полевых исследований на территории совхоза Ярсалинский, крупнейшего и старейшего в регионе, Штаммлер (Stammler 2005, стр. 131) приходит к выводу, что "общий паттерн кочевых перемещений не изменился, и что кочевой образ жизни фактически является одним из главных примеров преемственности от досоветских до постсоветских времен." Среди других аспектов жизни, которые, как он отмечает, не менялись, - де-факто частная собственность на животных в течение всего советского периода, использование чума

(традиционная форма палатки или типи) в качестве мобильного жилья во время кочевых перемещений, и использование оленей, а не автомашин в качестве транспорта. По его мнению, причиной тому послужило умение ненцев приспособить советскую систему к собственным потребностям и использовать ее в своих интересах, а также тот факт, что давление советских властей перейти к оседлому образу жизни было очевидно не таким сильным для ненцев, как для других коренных народов. Головнев и Ошеренко (Golovnev & Osherenko, 1999) считают, что на ненцев действительно оказывали давление, заставляя отказаться от земли и природных ресурсов, на что местные жители в 1930-е годы ответили крупными восстаниями, которые включали в себя выполнение ритуальных практик.

Что же касается собственности на животных, то соотношение частных и совхозных (общественных) оленей увеличилась от 30 процентов в частной собственности в советский период до 70 процентов в частной собственности в постсоветские 1990-е годы. Сохранение совхозной системы было сознательным решением со стороны ненцев, которые занимали руководящие посты в совхозе Ярсалинский. Эти руководители понимали, что без государственных субсидий через совхоз у оленеводов не будет доступа к средствам,

необходимым для покупки и доставки основных материалов и оборудования для стойбищ в тундре. Совхозная система обеспечила бесперебойные выплаты оленеводам и "работникам в чуме", без которых существование кочевых оленеводов стало бы крайне затруднительным. Своим успехом до настоящего времени ненцы в значительной степени обязаны своим лидерам и их проницательности. Во многих или большинстве других регионов от совхозной системы полностью отказались (Golovnev & Osherenko, 1999).

Другой пример – институциональное реструктурирование общественных оленьих стад (т.е., принадлежавших госхозам, совхозам), которое начало происходить после распада Советского Союза. Оленеводы Ямала называют этот период 1990-х годов "десятилетием хаоса" (Stammler, 2005). Этот период сопровождался напряженным противостоянием между приватизацией и государственной собственностью на сельскохозяйственные предприятия, в ходе которой одни колхозные стада были номинально ликвидированы, а другие – нет.

В 1990-е годы поголовье совхозных стад действительно уменьшилось, но с 2000 г. стало расти. Совхозная структура была во многом сохранена. Штаммлер (Stammler, 2005) считает институциональное изменение совхозного стада свидетельством преемственности на Ямале, несмотря на бесспорные преобразования, которые имели место в постсоветской реструктуризации.

Если признать, что социальная экосистема ненцев Ямала подверглась существенным потрясениям ([Golovnev & Osherenko, 1999](#); [Stammler, 2005](#)), то сохранение тех качеств, которые важны для общества в период изменений, говорит об устойчивости к внешним воздействиям. Согласно Chapin et al. (2006a), адаптация означает развитие новых социо-экологических конфигураций, которые эффективно функционируют при новых условиях. Штаммлер (Stammler, 2005) повторяет это в отношении ненцев Ямала. Как сказано выше, он анализирует их поведенческую и историческую приспособляемость к изменяющейся природной, социальной и экономической среде и приходит к выводу, что их способность к адаптации или "гибкость", оказалось высокой во многих исторических

кризисных ситуациях. Однако он также подчеркивает, что эта способность не безгранична, и что для нее действительно представляет угрозу продолжающееся освоение нефтяных и газовых месторождений, "представляющее опасность для будущего." Это объясняется тем, что сотрудничество с ненцами было необходимо всем досоветским, советским и постсоветским властям для управления регионом ради его природных ресурсов (меха, мяса, рыбы), а при добыче нефти и газа в таком партнерстве нет необходимости. Действительно, их присутствие и их надежды на равноправное взаимное сосуществование стали некоторыми деятелями восприниматься как проблематичные. И это несмотря на то, что в советской идеологии индустриализации такое сосуществование подразумевалось и было желательным, хотя и на неравных условиях. Прошлые патерналистские тенденции, упомянутые Штаммлером, теперь проявляются в стремлении государства, с одной стороны, в одностороннем порядке забрать земли, необходимые для поддержания традиционного кочевого образа жизни, и с другой – способствовать уменьшению населения тундры, субсидируя переселение оленеводов в деревни и города.

ТРУДНОСТИ. СВЯЗАННЫЕ С

СОХРАНЕНИЕМ СПОСОБНОСТИ К АДАПТАЦИИ

Мой собственный опыт работы на северо-западе России за прошлые 16 лет показывает, что ненцы редко говорят о климате как о значимой составляющей перемен. По мнению самих ненцев, освоение нефтяных месторождений представляет более актуальную и непосредственную угрозу (Khorolya, 2002). Существующие и потенциальные угрозы должны поэтому рассматриваться в контексте непосредственной ситуации, с использованием исторических событий в качестве ориентира, и при понимании, что текущее потепление климата, начавшееся в 1960-х и 1970-х годах, может в будущем ускориться и создать новые трудности (ACIA, 2005).

Как упоминалось ранее, в этой весьма динамичной ситуации важной является активная а не пассивная адаптация (Klokov, 2000).

Натиск в освоении нефтяных и газовых месторождений – это общая тема, объединяющая северную Аляску, северо-западную Канаду и российский Север. Самобытность коренных народов частично связана с зависимостью от земли и моря, а также пониманием того, как жить из поколения в поколение без крупных субсидий или вмешательства извне (Nelson, 1969; Berger, 1985; Wenzel, 1991). Как и в России, обнаруженные и потенциальные запасы природного газа арктической части Аляски и Канады находятся главным образом на землях, населенных коренными народами, которых называют «коренными жителями Аляски» и «первыми нациями». Различие заключается в том, что когда в конце 1960-х и в начале 1970-х годов была обнаружена нефть, политического влияния разнообразных местных групп и их сторонников в Вашингтоне и Оттаве было уже достаточно, чтобы инициировать целый поток инициатив по крупным землеотводам для коренных народов, которые на тот момент

воспринимались как новаторские и щедрые. Время показало, что эти соглашения имели серьезные недостатки (cf. Berger, 1985; Flanders, 1989). На Аляске было разрешено быстрое освоение месторождений, регулируемое законом об урегулировании претензий уроженцев Аляски (ANCSA) 1971 г., по которому уроженцам Аляски передавалось 962.5 миллиона долларов США и право собственности на 18 миллионов гектаров земли. Что же касается трубопровода в долине Маккензи, то его строительство было в 1970-х годах отложено до тех пор, пока о претензиях на землю не удастся договориться. К концу 1990-х годов большинство групп Первых Наций, которые когда-то выступали против бурения, приводя для этого юридические, экологические и культурные основания, оставили свои протесты и теперь решительно выступают за разработку энергетических ресурсов своего региона. То обстоятельство, что эти североамериканские группы достигли такого высокого уровня юридического и экономического влияния, когда дело доходит до прав на освоение месторождений, служит мерой их с трудом завоеванной политической зрелости.

В отношении освоения северных энергетических ресурсов, ситуация как на Аляске, так и в Канаде была тесным образом привязана к определенному политическому и

юридическому паритету на переговорах, что в России в той или иной степени отсутствует. Безусловно, это частично объясняется привязкой урегулирований во времени. Не следует тешить себя иллюзиями, что, если бы арктические месторождения нефти на Западе были освоены во время или до Второй мировой войны, коренные народы в Северной Америке (? не) увидели бы такое равноправное отношение. Тем не менее, в настоящее время Россия контрастирует почти в каждом измерении "человеческого развития" (социальном, культурном, экономическом, политическом, юридическом) с другими околополюсными странами (AHDR, 2004). Возможно наиболее важным моментом в настоящем контексте является то обстоятельство, что юридические права коренных народов Арктики, проживающих в различных северных циркумполярных областях, развивались совершенно по-разному .

Среди них – самоуправление (Гренландия, Нунавут), уже упомянутые землеотводы (западная часть Северной Америки), и более ограниченные полномочия, которыми наделены коренные народы российского севера (Bankes, 2004). В Фенноскандии существующие саамские национальные парламенты уполномочены выдвигать законопроекты, но не принимать законы. Тем не менее, определенные права в отношении охоты, рыболовства и скотоводства сопутствуют юридическому определению "саама как гражданина" (Karppi & Eriksson, 2002; Muller-Wille et al., 2006).

Несмотря на эти довольно острые региональные различия, вообще говоря, существуют некоторые исторические параллели в том, как воспринимается арктический регион и как строятся действия по отношению к нему. В целом, правительства традиционно рассматривали Север как глубинку, поставляющую природные ресурсы населению более южных областей (Armstrong, Rogers, & Rowley, 1978; Young & Osherenko, 1992). Многие страны, хотя и не все, также содействовали созданию представления об Арктике как об отдаленной и хрупкой "пустыне" (Forbes, 2005a). Последнее является западным понятием,

идушим вразрез с восприятием собственной окружающей среды коренными народами Арктики. На самом деле ненцы воспринимают себя как составную часть экосистем, которые они населяют, и которые они считают изобильными. Компании же и многие политические деятели, наоборот, стремятся внедрить представление об Арктике как о бесплодной пустоши. Наряду с понятием пустыни среди многих участников движения за охрану природы бытует мнение, что лучший способ "защитить" Арктику состоит в том, чтобы учредить охраняемые территории.

Такое видение представляет различные точки зрения сторонних лиц, с собственными элементами патернализма для каждой из них, и скорее указывает на ограниченное представление о людях и природе. Начиная с распада Советского Союза, понятие охраняемых территорий и маркетинг туризма на "первозданной местности" также получили развитие и в России (Forbes, Monz, & Tolvanen, 2004a; Forbes, Fresco, Shvidenko, Danell, & Chapin, 2004b; O'Carroll & Elliot, 2005). Как сообщает Международный фонд дикой природы, их попытка создать циркумполярную сеть охраняемых территорий на данный момент осуществляется с наибольшей быстротой именно в российской части Арктики. За последние семь лет площадь территорий,

обозначенных как "охраняемые", возросла более чем вдвое, и на сегодняшний день общая площадь заповедной зоны составляет примерно 35 млн. га, т.е. территорию размером с Норвегию (WWF, 2006). Тем не менее, приводится и следующий аргумент: учреждение охраняемых территорий зачастую находится "в конфликте с интересами коренных народов и иногда может отрицательно сказаться на их процветании и благосостоянии" (Большаков, Клоков, 2000). Также как и освоение нефтяных месторождений, зарождающиеся законодательные инициативы по регулированию прав коренных народов в отношении арктических экосистем несут с собой и опасность, и новые возможности. Официально, государство действительно признает, что каждый совхоз имеет "неограниченное право пользования" для целей оленеводства, что также охватывает право на охоту, рыболовство и собирательство.

Однако даже присутствие значительного количества кочевых ненцев в тундре вряд ли ограничит темпы и масштаб освоения нефтегазовых месторождений (Stammler, 2005). Такое присутствие просто усложняет процесс освоения. Требуется проведение переговоров о переводе "пахотной земли" (например пастбища) находящего в ведении уполномоченного долгосрочного пользователя (например, совхоза) в категорию земли промышленного назначения (например, для добычи) и передачи ее в ведение нового пользователя (например, нефтяной компании) на ограниченный срок. Зачастую для этого требуется оформление множества документов. Но если такой проект освоения важен для кого-то, наделенного соответствующими полномочиями, то процесс может продвигаться на удивление быстро (Ф. Штаммлер, частное сообщение).

НОРМАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ

Хотя они обычно не используют такие термины как «уязвимость» и «устойчивость к внешним воздействиям», авторы, анализировавшие

конкретную ситуацию с ненцами Ямала, рекомендовали разные подходы к дилеммам, появившимся в результате происходящего в настоящее время освоения нефтяных и газовых месторождений (Chance & Andreeva, 1995; Golovnev & Osherenko, 1999; Zen'ko, 2004; Stammier, 2005). Равенство в той или иной форме по крайней мере рассматривается в работах Chance & Andreeva (1995) и Zen'ko (2004). Учитывая вышеупомянутые различия в развитии современных законодательных и политических режимов правового регулирования, определяющей является чувствительность к специфическому российскому контексту.

Для начала, Головнев и Ошеренко [bookmark4](#) (Golovnev & Osherenko, 1999) намечают три модели "для восстановления прав и полномочий принятия решений" у ненцев, с опорой на три широких категории: племенные правительства, общественные правительства, где коренное население составляет большинство (например, самоуправление в Гренландии), и совместное управление. Они с готовностью признают, что ни одна из этих трех моделей не представляет собой идеального решения, и все они "рискует подорвать лидерство коренного населения и разрушить существующие способы принятия решений."

Используя некоторые исторические примеры,

отличающиеся от тех, которые приводит Штаммлер (Stammler 2005), Головнев и Ошеренко (1999) приходят к тому же основному выводу об относительно ярко выраженной способности к адаптации у ненцев, проживающих в тундре Ямала. В заключительном абзаце своего анализа они подчеркивают, что "ненецкие кочевники, которые легко перемещаются по тундре, обладают внутренней гибкостью, позволяющей приспособиться к новым условиям." Они также предлагают, чтобы "им было предоставлено пространство для адаптации и возможность сохранить контроль над своей жизнью." Для неинформированного западного человека последнее может показаться достаточно пассивным мировоззрением, которое, как представляется, предполагает, что соответствующие национальные, региональные и местные власти, наряду с тысячами приезжих, появляющихся в регионе каждый год, способны действовать как благотворные силы.

Совсем не как благотворная сила, ведущая компания, активно действующая на полуострове Ямал – Надымгазпром – активно использует несовершенство правоприменительной деятельности, а также недостаток контроля со стороны правоохранительных органов и федеральных регулирующих органов (Зенько, 2004). Типичные западные альтернативные варианты реагирования могли бы варьироваться от шумных выступлений экологов и правозащитников до более тихого протеста среди значительного числа заинтересованных акционеров. Первый вариант почти наверняка ошибочен и, вероятно, будет иметь негативные последствия. Последний – невозможен, учитывая, что Газпром и его различные дочерние предприятия являются государственными.

Как уже упоминалось, у коренных народов России нет такого уровня политического влияния, как у коренных народов в западных странах. Они проживают в радикально отличающихся системах с собственной историей и культурой. Во многих смыслах они просто несопоставимы. Это относится как к политическим системам, так и к юридическим и корпоративным структурам и ответственности за

состояние окружающей среды. Например, гражданам других стран необходимо понимать, что функционально находящиеся в государственной собственности такие юридические лица как Газпром не несут обязательств перед международными акционерами. Хотя в последние годы наблюдается некоторое улучшение, эти влиятельные монополии до настоящего времени не выражали особого беспокойства по поводу своего экологического имиджа. С другой стороны, многонациональный Бритиш Петролеум организовал расширенную, дорогостоящую и стратегическую кампанию, направленную на создание нового имиджа защитника экологии, который «заинтересован не только в нефти» (Whiteman, Forbes, Niemela, & Chapin, 2004). Поэтому его имидж сильно пострадал от закрытия в августе 2006 г., в силу утечки из трубопровода, работ в заливе Прадхо-Бей (Hoyos, Bream, Harvey, & McNulty, 2006; Mufson, 2006).

Тем не менее, даже партнерство с западными компаниями не гарантирует в России внедрения передовой практики на местах. Для взаимного сосуществования реальная ответственность за соблюдение интересов коренных народов, у которых при существующей системе нет влияния совсем или его совсем немного, лежит на местных и региональных руководителях

государственных и совместных предприятий. Это очень тяжелая работа для всех сторон, и кочевые оленеводы понимают и признают, что освоение месторождений не может не иметь последствий. На примере проложенного по Аляске трубопровода ясно видно, что даже при добросовестном соблюдении строгих стандартов некоторые прямые и косвенные или кумулятивные последствия неизбежны (NRC, 2003; Mufson, 2006). Однако жители Ямала знают из своего прошлого опыта общения с компанией Амосо в 1990-х годах, что можно провести разъяснительные консультации и осуществить исследования, которые будут направлены на решение местных проблем, - например, мониторинг состояния пастбищ северного оленя, восстановление пострадавших территорий и сохранение культурного наследия

(Martens, 1995; Martens, Magomedova, & Morozova, 1996; Fedorova, 1998).

В отдельных публикациях Osherenko (1995; 2001) приводит более сильные аргументы в пользу права собственности на землю как жизнеспособного инструмента для обеспечения сохранности культуры коренного населения. Она заявляет, что "без реструктуризации прав собственности [ненецкое население] остается бессильным и не может защитить свои интересы от притязаний монополистических и неререформированных нефтегазовых предприятий" (Osherenko, 1995). В настоящее время земля официально принадлежит государству, но управляется в основном местными властями, которые предоставляют ее в пользование совхозам (Osherenko, 1995). Однако в России право собственности на землю, даже если его предоставили, может и не являться гарантией от будущих проблем, учитывая пока что ограниченный опыт с применением такого права, а также слабость всей юридической системы. Последнее судебное разбирательство ситуации с предоставлением земельных прав на Ямале, происходившее в 1990-е годы, не вселило

особых надежд. Согласно Штаммлеру (Stammler 2005), юридические права землевладения часто предоставлялись "на ограниченный срок, что иногда не стоило инвестиций в получение таковых." Как показала ситуация с Законом об урегулировании претензий уроженцев Аляски, простое предоставление людям прав на ценную землю и акций в новых предприятиях не гарантирует понимания ими того, как осуществлять собственные права и сохранить их для будущих поколений (Young, 1992).

В североамериканской нефтяной промышленности акцент делается на юридических правах и участии в прибыли. Уроженцы Аляски и канадские Первые Нации вынуждены были быстро учиться в первые годы массированного освоения месторождений, но сейчас они, как правило, в состоянии отстаивать свои интересы в СМИ, в судах и на рынке ценных бумаг. А вот ненцы Ямала, определение законных прав которых происходит фрагментарно в рамках еще не завершенного процесса, понимают, что они вряд ли получат непосредственную выгоду в финансовом смысле. Существует определенное стимулирование и субсидии для тех, кто решит уехать из тундры и поселиться в городе. На самом деле относительно невысокие субсидии на поддержание оленеводства в тундре, такие как субсидии на здравоохранение, торговлю

(включая бартер) и продажу мяса важны, даже если некоторые из них не считаются обязательными. Однако не было переведено крупных платежей, не было прямых арендных договоров с местным юридическими лицами с полным или частичным правом собственности на землю, что было нормой в Северной Америке (Osherenko, 2001). В Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах некоторым оленеводам действительно принадлежат акции, полученные в форме ваучеров, но в соседнем Ненецком автономном округе (НАО), расположенном западнее, подобной системы нет. На сегодняшний день обсуждаются некоторые ограниченные модели участия в прибыли, но более крупномасштабных схем не существует (Ф. Штаммлер, 2006, частное сообщение).

В более кратком аналитическом исследовании Chance & Andreeva (1995) рассматриваются те "серьезные проблемы", которые связаны с крупномасштабным освоением нефтяных месторождений на севере Аляски и на полуострове Ямал.

Это широкомасштабная и сложная серия из шести рекомендаций, но ее можно резюмировать следующим образом:

- (1) Проведение сравнительных междисциплинарных и межкультурных исследований для стимулирования новых подходов к освоению природных ресурсов с учетом будущих интересов.
- (2) Включенность представителей коренного населения в вопросы политики, планирования, внедрения и оценки всех крупномасштабных проектов на территориях их проживания.
- (3) Решение существующих экологических кризисных ситуаций через продвижение социальных изменений сейчас, а не полагаясь на технологические изменения в будущем.
- (4) Использование в рамках своей системы так называемых "внешних последствий деятельности", связанных с освоением природных ресурсов, чтобы лучше отразить истинные затраты на освоение месторождений.
- (5) Преодоление интеллектуального разрыва, разделяющего естествоиспытателей, биологов и социологов, возможно, через

совместную работу по оценке последствий для окружающей среды.

(б) Глубинный анализ тех аспектов политической экономики, которые на данный момент способствуют нанесению вреда.

Пункты 1, 5 и 6 являются по существу рекомендациями для будущего стратегического исследования. Остальные пункты содержат предписания. С российской точки зрения они, возможно, отражают западное понимание стратегических рекомендаций как таковых, а также западную веру в их полезность. Из вышеперечисленных пунктов, только пункт 2 может быть частично осуществим в обозримом будущем, по крайней мере в ЯНАО. Пункты 3 и 4 напрямую задевают то мощное сочетание высокомерия и патернализма, который продолжает характеризовать не только российское администрирование, но и российскую антропологию, как это показывает на современных примерах Штаммлер (Stammler 2005). Пункт второй по сути сводится к активному участию ненцев в региональном планировании и оценке, и с такой рекомендацией согласны и другие ученые (Golovnev & Osherenko, 1999; Zen'ko, 2004; Stammler, 2005). Поскольку рекомендация настаивает на участии коренных народов во всех фазах "каждого крупномасштабного освоения месторождений на территориях их

проживания", шансы на ее полное выполнение, скорее всего, невелики. Ситуация вряд ли изменится даже в том случае, если западные партнеры впоследствии получат отсутствующее на данный момент разрешение участвовать в совместных предприятиях на Ямале.

В еще одной работе, Зенько (2004) также выявляет проблемы, стоящие перед кочевыми народами на полуострове Ямал. Она опасается, что "традиционная экономика теряет даже самую возможность сосуществования на равных условиях со своими промышленно развитыми соседями."

По ее мнению, технико-экономические обоснования и экологические экспертизы не учитывают всех вероятных источников экологического ущерба для окружающей среды. Форбс [bookmark4](#) (Forbes, 1995) указал, что в дополнение к прямым последствиям строительства дорог на Ямале существуют важные косвенные и кумулятивные последствия, например, летящий песок и пыль от самих дорог, а также от связанных со строительством карьеров. Сами ненцы ясно предвидели какие-то из этих проблем, например, появление в регионе одичавших собак, которые убежали с месторождения или были брошены. Однако никаких мер в данном случае принято не было (Зенько, 2004). Еще одна постоянная проблема связана с явным нежеланием вести активную работу по восстановлению или хотя бы очистке использованных и заброшенных участков. Старые буровые установки, карьеры и транспортные коридоры сильно загрязнены мусором и нефтепродуктами, что представляет постоянную опасность для оленеводов, маршруты кочевого перемещения которых проходят по территориям, на которых велась или ведется разработка месторождений (рис. 2).

Зенько (2004) рекомендует создание "комплексной программы освоения" специально для полуострова Ямал. Такая программа должна учитывать "географические, исторические, демографические и другие особенности" региона и "способствовать развитию местного законодательства и выработке местных законодательных предписаний для ЯНАО." Для западной аудитории такое предписание может показаться неопределенным до непонятности. Однако и сообщения данного автора, и наши с коллегами наблюдения в ходе недавних полевых работ на Ямале (2004-2007 гг.) показывают, что фактические "требования" ненцев настолько умеренны, четки и разумны, что на их выполнение в принципе согласны некоторые из руководителей, отвечающих за освоение месторождений на полуострове Ямал. Эти требования предусматривают следующее: (1) полное и своевременное восстановление земель непромышленного назначения, использованных во время технических работ и не имеющих каких-либо производственных объектов; (2) установление и поддержание коридоров для передвижения людей и оленей между стойбищами (Зенько, 2004).

Первое из этих требований может и должно быть автоматически и в одностороннем порядке выполнено компаниями, ответственными за

аренду участка на момент освоения месторождения. К сожалению, поскольку компании прибывали и убывали, в настоящее время крайне трудно разобраться в том, где чья собственность, кто нанес ущерб и кому за кем убирать. Это стало одной из причин ухода компании Атосо с Ямала в 1996 г. Юридическая паутина особенно запутанна в тех секторах, где освоение началось давно и продолжалось, непрерывно либо поэтапно, в течение уже нескольких десятилетий. Некоторые западные компании, участвующие в совместных предприятиях, обнаружили, что даже если они готовы провести очистку на участках, поврежденных предыдущим разработчиком, то возможны обстоятельства юридического характера, в силу которых такое начинание не может быть осуществлено сразу или не может быть осуществлено вовсе.

Рис. 2. Ненецкие женщины сгоняют северных оленей в загон неподалеку от заброшенной буровой установки во время летнего кочевья на полуострове Ямал, июль 2005 г. Оленеводы стараются не пускать животных к таким участкам из-за ржавого металла, битого стекла и нефтепродуктов, которые могли остаться на поверхности. Если животное повредит копыто во время передвижения, оно рискует получить инфекцию. Если такое происходит, то взрослых животных приходится забивать, так как они уже не могут успеть за стадом. Молодых телят с ранами на ноге или копыте оленеводы обычно пытаются лечить, и иногда можно видеть, как их переносят и кормят на специальных санях, до тех пока они опять не смогут нормально ходить. Фото: Брюс Форбс

Второе требование выполнить труднее, потому

что для этого требуется активное и длительное двустороннее или многостороннее общение между оленеводами и местными политическими представителями. На практике провести реальную или разъяснительную консультацию совсем нелегко. Существует множество препятствий – юридических, логистических и связанных с отношением. Разумеется, безотлагательность, связанная с освоением нефтяных и газовых месторождений, является важным фактором, поскольку именно она так или иначе ведет за собой решение всех остальных вопросов. Однако ожидать быстрого прогресса в решении представленных здесь проблем нереально. В качестве поставленной цели, достижение равенства следует воспринимать как долгосрочный процесс. Зенько (2004) не призывает к совместному управлению как таковому, но защита коридоров для передвижения между кочевьями для людей и содержащихся в стадах северных оленей, разумеется, требует этого.

Наконец, в своем анализе жизни ненцев Ямала, который может по своему объему составить отдельную монографию, Штаммлер (Stammlier 2005) освещает практически все аспекты соприкосновения кочевников с их собственным, а также с "внешним" миром.

Его исследование охватывает, отнюдь не ограничиваясь таковыми, многогранные формы реагирования кочевников на вмешательства, связанные с недавними примерами освоения нефтяных и газовых месторождений. В работе дается обширный исторический обзор, иллюстрирующий то, как кочевники смогли последовательно адаптироваться к ряду системообразующих изменений, и таким образом документирующий их устойчивость к внешним воздействиям. Сходный, пусть и менее обширный набор свидетельств приводится и в работе Golovnev, Osherenko (1999). В своем заключительном анализе Штаммлер (2005) полагает, что ведущие кочевой образ жизни ненцы Ямала будут и впредь гибко реагировать на те изменения, которые приезжие еще принесут на их родину. Он добавляет, что "конкурентоспособный дух народов будет полезной силой только тогда, когда те, кто в настоящее время обладает властью, согласятся продолжить плодотворный диалог с кочевниками, и искренне уважать текущую и будущую идентичность региона как глубоко связанного с оленеводством." Он также высказывает предостережение о том, что их "стратегия адаптации будет зависеть от

использования положительного опыта прошлого столетия всеми лицами, участвующими в освоении месторождений, а также уважения условий обеих сторон, необходимых для поддержания способности к адаптации."

РЕЗЮМЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к более широкому глобальному контексту, изменение климата представляет собой классическую многомасштабную задачу, поскольку характеризуется исключительным разнообразием действующих факторов, множеством разнообразных стрессоров и сложными временными шкалами (Adger, 2006). Было выдвинуто предположение, что последствия изменения климата скажутся в наибольшей степени на населении тех областей, которые уже подвержены резким колебаниям климата, и, соответственно, принимают на себя основной удар тех предполагаемых (и все более явных) изменений, связываемых с глобальным изменением климата (Berkes & Jolly, 2001; Krupnik & Jolly, 2002; ACIA, 2005; Adger, 2006). При этом одним из ключевых вызовов, как то показано в уже имеющихся исследованиях социозкосистем, является необходимость обеспечить соответствие социальных и управленческих механизмов масштабу тех задач, для решения которых они разрабатываются (Folke, 2006;

Young et al., 2006). Аналогичные вызовы были выявлены в экологии и биологии охраны природы, где в прошлом важность масштаба и человеческого фактора регулярно недооценивалась (Noss, 1992; Mascia и др., 2003).

Кочевники- оленеводы, сохраняющие свой образ жизни на протяжении столетий, - ненцы Ямала могут в некоторой степени быть примером устойчивости к внешним воздействиям. Они успешно приспособились к последовательным формам патернализма от царских до постсоветских времен. Они не понаслышке зная о том, как прихотлив бывает процесс принятия решений, и кроме них разве что самые приверженные и непредвзятые ученые понимают настолько же ясно, что линия связи между местным уровнем и уровнем реального принятия решений работает плохо или же не работает вовсе.

Освоение нефтяных месторождений в настоящее время идет полным ходом, и с проведением разъяснительных консультаций, и без такового. Для того, чтобы у кочевого оленеводства было будущее, совместное сосуществование и освоение нефтяных и газовых месторождений являются не только возможными, но и необходимыми, поэтому единственный путь развития здесь идет через обоюдную вовлеченность. В западном контексте, в котором вопросы решаются в юридическом порядке, ситуацию уже была бы достаточной для обращения в суд в официальной попытке разрешения конфликта. Возможность юридического решения ситуаций на данный момент отсутствует, равно как и пространство для воинствующих выступлений активистов или защитников окружающей среды, поскольку такие действия противоречили бы культуре ненцев и их исторически сложившемуся умению сотрудничать с вышестоящими инстанциями в советские времена. Остается разве что работать в рамках существующей системы, пусть она и отличается с одной стороны высокой динамичностью, а с другой _- чрезвычайным консерватизмом.

Согласно нескольким работам, указанным в предыдущем разделе, представляется, что равенство и "гибкость" или устойчивость к внешним воздействиям коренятся в совместном принятии решений относительно, среди прочих, гарантированного доступа к кочевым перемещениям и поддержания жизнеспособной окружающей среды. Неясности возникают применительно к таким видам деятельности как, например, браконьерство. Предсказуемо, что незаконная охота и рыболовство будут побочными продуктами доступа к отдаленным районам, которые служат домом для ценных с экономической точки зрения или обладающих питательной ценностью видов (Thomassen et al., 1999). Однако для поддержания функциональности экосистем необходимо пресекать незаконный промысел, а также промысел сверх разрешенных количеств, вне зависимости от того, кто его осуществляет – коренное население или же приезжие. Мы легко забываем, что даже и без браконьерства популяции некоторых разновидностей рыб и других диких животных могут быть подвержены и действительно подвергаются существенным колебаниям. Этот основной принцип арктической биологии уже в течение десятилетий признается учеными ([Vibe, 1967](#)), а коренными народами Арктики, конечно же, намного дольше .

Задействованные здесь механизмы еще не полностью понятны, в том числе и потому, что циклические колебания долговременны и проявляются в отдаленных районах, недоступных для ведения "научного" учета, однако существование этих паттернов с очевидностью признает устная традиция коренных народов (Ferguson, Williamson, & Messier, 1998; Schneider, Kielland, & Finstad, 2005). Поэтому сейчас, когда для Арктики наступает новый и неизведанный этап, связанный с быстрыми переменами, нам необходимо учитывать и принимать во внимание все то, что смогли увидеть и зафиксировать коренные жители (Huntington et al., 2004). Само понятие устойчивости к внешним воздействиям основано на предположении, что периодические системные потрясения возможны, хотя и не всегда предсказуемы.

Большинство авторов предполагают, что адаптивная способность ненцев высока, при этом все исследователи признают, что необходимы определенные встречные шаги со стороны властей и нефтегазовых компаний, некое предварительное условие, которое подробно рассматривают в своей работе Штаммлер и Уилсон (Stammler & Wilson, 2006), называя его "пространством возможности" для диалога между коренными народами, компаниями и государством. Можно ожидать,

что пока стратегии будут разрабатываться и внедряться строго по нисходящей, проблемы не исчезнут. Фактически, политика редко бывает настолько гибкой, чтобы охватить все то многообразие, которое присуще северным социальным экосистемам (Большаков, Клоков, 2000; Зенько, 2004).

На Ямале, как и в НАО, будущее некоторых групп оказывается под непосредственной угрозой, такой как крупные изъятия крайне необходимых оленеводам пастбищ, в то время как их соседи живут относительно спокойно и не предвидят серьезной опасности для своего выживания. Сами ненцы демонстрируют сдержанный оптимизм (Stammler & Forbes, 2006^{[bookmark7](#)}), что является важной предпосылкой для того, чтобы обеспечить им дальнейшее проживание в тундре, однако для жизнеобеспечения этого мало.

Разнородность ненецких социоэкосистем означает, что освоение месторождений и связанные с этим последствия могут идти по радикально различным прогнозируемым и фактическим траекториям даже для соседствующих групп. Общие правила полезны для компенсационных мер, таких как обязательное восстановление территорий, прекращение браконьерства и ограничение использования транспортных средств для бездорожья, но для консультаций общего подхода недостаточно (Stammler & Wilson, 2006). Силы совсем не равны, и более сильные игроки видят мало преимуществ от диалога с

менее сильными. Оленеводы не предполагают диктовать, где и по какому графику должно проходить освоение месторождений, но их интересы действительно следует учитывать, если трубопроводы, карьеры, дороги и рельсы будут и далее вторгаться на их исконные территории, дробя их на все меньшие участки. Восстания 1930-х годов показывают, что гибкая адаптация является не единственной стратегией, которую ненцы применяли в прошлом (Golovnev & Osherenko, 1999). Поскольку их лидеры, как мужчины, так и женщины, занимают должности в региональной Думе и в Российской ассоциации коренных народов Севера (RAIPON), то они сумеют сладить с Газпромом.

При такой ситуации, как в современной России, анализ, подобный данному, - это наиболее легкая часть. После 16 лет работы в стране понимаешь что обеспечить ответственную социальную и экологическую политику намного труднее. Мы, безусловно, должны признать ошибки, сделанные в советские времена, и на них учиться. Только таким образом можно поддержать способность к адаптации для будущего. Главное - это демография (Pika & Vagojavlensky, 1995). Необходимо, чтобы молодежь хотела и дальше жить в той местности, где живет. Даже в таких высокоразвитых странах как Норвегия огромные

субсидии неспособны в настоящее время сохранить малочисленные сообщества, например рыбацкие деревни на северном побережье Баренцева моря, откуда молодежь продолжает уезжать в поисках образования и работы в Тромсё, Осло и другие города. В то время как государственные субсидии могут помочь и действительно помогают сельскому населению, имеющему сильное стремление именно к сельской жизни, чувство малой родины не может быть прописано в законе, равно как и понимание жизни на земле не может быть изучено в классе. Если молодежь не видит будущего в тундре Ямала, то тундра, равно как и любая другая местность, неизбежно обезлюдет.

Необходимо удержать молодежь, – эта проблема в Арктике шире, чем границы. Как пишет Зенько (2004), "образование, придающее особое значение навыкам выживания в тундре, воспринимается как страховка или средство спасения жизни в водовороте социально-экономической несправедливости." Хотя и не располагаю официальными статистическими данными, чтобы доказать это, мои собственные наблюдения на Ямале в постсоветский период показывают, что можно говорить о примерном равновесии пола и возраста у кочевого населения, и что молодые люди продолжают возвращаться в тундру после окончания школы и несения военной службы. Весьма вероятно, что эти факты сами по себе служат хорошим индикатором устойчивости к внешним воздействиям. При этом возможно, что присутствие на постоянной основе большой группы кочевого ненецкого населения является для государства стимулом к поддержанию жизнеспособной социальной и экологической системы. Причина здесь в том, что лица, облеченные властью на Ямале, поняли, что сохранность кочевого оленеводства является признаком региональной идентичности и поднимает статус округа (Stammler, 2005).

Отсутствие разъяснительных консультаций едва ли уникально только для России. Мы видели, что на крайнем севере Фенноскандии оленеводство также проигрывает по значимости лесной и горнодобывающей промышленности, гидроэнергетике и туризму (Forbes et al., 2004a, 2006). Даже среди зрелых и, казалось бы, просвещенных западных демократических государств севера Европы анализ современного оленеводства выявил существенный дисбаланс в соотношении сил между интересами государств и коренных народов (Muller-Wille et al., 2006; Hukkinen et al., 2006). В Северной Америке несколько наблюдателей отметили, что советы по совместному управлению не пользуются достаточным доверием, даже в тех случаях, когда "пользователи" из числа членов сообщества входят в такие советы или иным образом участвуют в научных "предсказаниях" относительно мониторинга и управления состоянием дикой природы (Kruse et al., 1998; Nadasdy, 2003, в печати; Moller et al., 2004). При этом работы, касающиеся устойчивости к внешним воздействиям в высокоширотных социосистемах, рассматривают в основном североамериканский материал по совместному управлению в применении к морским млекопитающим и оленям-карибу (Berkes, 1998; Berkes & Jolly, 2001; Kendrick, 2003a).

Речь здесь не о том, чтобы умалить

значимость литературы по Северной Америке и примеров рационального использования северных природных ресурсов, а о том, чтобы указать на их ограниченную применимость для остальной части Арктики. Совместное управление, со своей стороны, в Северной Америке получило широкий резонанс как успешное начинание (Nadasdy, 2003, в печати). Действительно, в Канаде и на Аляске были достигнуты некоторые положительные результаты, однако перенос этих моделей за границу все еще сопряжен с определенными трудностями. Robards & Alessa (2004) справедливо отмечают, что "поддержание равенства и устойчивости к внешним воздействиям отдаленных сообществ в пределах и за пределами Арктики является важной и сложной задачей. Для ее решения потребуется объединить хорошо зарекомендовавшие себя в жизни сообщества локальные культурные ценности и процессы принятия решений с данными западных междисциплинарных исследований".

При этом формально установленные в Европе и России барьеры на пути совместного принятия решений об использовании природных ресурсов означают, что североамериканские стандарты равенства не являются в настоящее время жизнеспособными моделями для этих стран. Маловероятно, что сходная с североамериканской система юридических прав на землю будет внедрена, равно как маловероятно ее применение для решения спектра проблем, связанных с современным кочевым оленеводством, которое практикуют ненцы Ямала. С другой стороны, гарантированный доступ к традиционным землям для пастбищ, охоты и рыболовства есть важная составляющая для поддержания в регионе необходимой численности населения. Также вероятно, что свободное волеизъявление будет играть важную роль в получении определенных прав собственности, однако степень этого будет зависеть в том числе от курса, который выберут нынешние и будущие ненецкие лидеры.

С учетом того, в какой степени освоение месторождений контролируется государством

через его участие в Газпроме, транснациональные корпорации вряд ли будут приглашены участвовать в развитии Ямала в обозримом будущем. Таким образом, представители запада собственно говоря ограничены в своих возможностях проявить сочувствие и содействие ненцам, борющимся за сосуществование. Если такие совместные предприятия со временем появятся, то будет возможен и необходим их тщательный мониторинг, который поможет обеспечить ответственное поведение. Важно то, что само государство предпринимает усилия по обеспечению возможности продуктивного сосуществования, а также то, что кочевые ненцы тундры являют собой убедительный пример долгосрочной устойчивости в социозкосистеме, мало похожей на те, которые на данный момент получили освещение в современной западной литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ямало-ненецкий Автономный округ (ЯНАО) относится к Западно-сибирскому экономическому региону и Уральскому федеральному округу. ЯНАО - независимая единица Тюменской Области, расположенная на самом севере Западно-сибирской низменности.

2. Фенноскандия - географический термин, основанный на данных лингвистики, и

охватывающий страны, где говорят на скандинавских языках (Норвегию, Швецию, Данию, Фарерские острова, Исландию) и Финляндию. Финский язык относится к финно-угорской группе языков.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мои исследования на полуострове Ямал в 1990-х годах финансировались из нескольких различных источников. В их число входят: Национальный Фонд Науки (США), Национальное Географическое Общество, Отдел по научным и экологическим делам НАТО, Российская Академия Наук.

В период с 2004 по 2007 гг. исключительно значимая поддержка проекту ENSINOR была оказана Академией Наук Финляндии в рамках программы "Россия в движении" Additional support came from the National Science Foundation Office of Polar Programs and the National Aeronautics and Space Administration through the Northern Eurasian Earth Science Partnership Initiative. Также поддержку оказали Национальный научный фонд полярных исследований и НАСА в рамках Инициативы партнерства науки о земле в Северной Евразии. Я особенно благодарен дорогим коллегам Нине Месштыб, Флориану Штаммлеру, Тимо Кумпула и Ану Пайюнен за теплое товарищеское отношение, последовательный профессионализм и интереснейшие дискуссии во время наших многочисленных и разнообразных поездок по Ямалу. Доктор Штаммлер, Гейл Ошеренко и анонимный рецензент любезно представили конструктивные замечания к рукописи.